

4 «КОМСОМОЛЕЦ» • ЧЕТВЕРГ, 22 МАЯ 1980 г.

● К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. А. ШОЛОХОВА

Константин Прийма

КНИГИ ПИСАТЕЛЯ БОРЮТСЯ И ПОБЕЖДАЮТ

Пресса социал-демократических партий Германии, Франции, Англии заняла явно отрицательную позицию к «Тихому Дону». Так, например, газета «Форвертс» — орган ЦК социал-демократической партии Германии 29 октября 1930 года выступила со статьей о романе «Тихий Дон», в которой клеветала о каких-то «документальных подтасовках» в романе без указания, что же имеется в виду. Далее редакция «Форвертс» заявила, что «Тихий Дон»... нам, немцам, ни о чем не говорит, ибо эта книга повторяет лишь в частном случае то, что мы уже давно знаем в целом». Пользуясь затасканным референом социал-предателя К. Каутского о непознаваемости событий 1917 года в России и бесполезности ее опыта для рабочего класса Европы, редакция «Форвертс» в категорической форме не рекомендовала социал-демократам читать «Тихий Дон».

Редакция газеты социалистической партии Франции «Популяр» также не увидела в шоховском романе ничего нового и поучительного. В своей рецензии от 14 февраля 1930 года редакция все свела «к нравственным порокам и добродетелям» донских казаков, не видя социального и революционного пафоса в романе. Между тем, даже белоэмигрантский журнал «Числа» (№ 1, 1930) оказался куда объективнее и подчеркнул следующее: «Война — модная сейчас тема, и среди ее обличителей Шохову принадлежит совершенно особое место».

Орган лейбористской партии «Дейли геральд» 5 апреля 1934 года опубликовал крупную статью «История неистовой жестокости казаков», в которой пытался запугать читателей «жестокостью» пуских, и «ужасами революции». Редакция «Дейли геральд» ни слова не сказала о содержании «Тихого Дона» и главных персонажей, о стиле Шохова и его гуманизме: об изображении войны и революции, так как сошедшую со своим усилием на спровоцированном интервью М. Горького о «Тихом Доне», которое в то время появилось в западной печати.

«Максим Горький, — считает, что «Тихий Дон» представляет собою новую фазу в литературе, и что его можно сравнивать только с «Войной и миром» Толстого».

Редакция «Дейли геральд» без каких-либо доказательств ствляет эту высокую и спекулятивную оценку «Тихого Дона», сделанную Максимом Горьким, и пытается показать, что «Горький — не прав», так как этой «новой фазы в литературе» — не существует. По ошибочному мнению «Дейли геральд», «Тихий Дон» и Шохов ничем не обязаны эпохе революции.

Мы не имеем возможности привести здесь высказывания любых западных газет по этим проблемам, но отметим, что коммунистическая пресса повсеместно давала решительный отпор искажению идеально-художественного замысла шоховского «Тихого Дона» и клевете в буржуазной и социал-демократической печати.

Так, например, редакция газеты «Роте Фане» еще 10 ноября 1930 года, отвечая социал-демократическому «Форвертс» и другим газетам, в большой статье «Война и революция» писала о том, что Шохов, как никто из западных писателей, показал классовую сущность войны как народного бедствия, что Шохов оказался на голове выше многих литераторов, так как изобразил войну с классовых пролетарских позиций».

«...Именно этот, почти незаметный поворот в сознании солдат, — читаем мы в «Роте Фане», — рождение новых мыслей... появление новых, еще никак никогда не существовавших знаний, в уставших от войны солдат царской армии и отличающих второй том «Тихого Дона» Шохова от всех других романов о войне и революции. Казаки Шохова — «железная гвардия» царизма (которая поднимала сабли и нагайки против любого восстания) — отказываются выступать про-

тив петроградских рабочих. И здесь Шохов показал также классовое отожествление казаков от офицеров, ярко изображая, как эти, владевшие землей крестьяне еще долго колеблются между революцией и контрреволюцией. Одни казаки уже присоединяются в Петрограде или на фронте к красной гвардии, когда-то «презренных» русских рабочих и солдат, а другие — возвращаются на тихий Дон. Но Дон уже больше не тихий!.. И за слогом Шохова является то, что читатели романа невольно становятся на сторону революции».

В венгерском коммунистическом полулегальном журнале «Гондолат» выступил тогда беспартийный писатель Петер Вечеш, который писал: «Я потрясен тем, как Шохов схватил и изобразил рождение нового мира, новых людей и новых мыслей в окопах войны на Дону, и в ходе революции. Люди у Шохова — живые... И как это своеобразно схвачено и запечатлено! Законы движения жизни в ходе революции и своеобразную логику революционного действия — вот что открыл Шохов».

Наряду с этим важно отметить, что некоторые социал-демократические газеты, в особенности шведские, чешские, и датские, сразу же заняли весьма дружественную позицию к Шохову и публиковали о его романе восторженные статьи. «Тихий Дон» — это событие века, — писала газета «Социал демократ» 27 ноября 1930 года, — на фронте у Григория Меликова открываются глаза на то, что он воюет во славу богачей, чтобы сделать их еще более богатыми», что «его прежние понятия о царе, Родине, казаком долг ломаются».

Газета «Арбетет» 18 октября 1931 года утверждала, что «Тихий Дон» — еще не оконченный роман представляется одним из самых важных вкладов в новую русскую литературу».

3.

19 июня 1969 года Генеральный секретарь ЦК Компартии Бразилии Луис Карлос Престес в Москве в беседе со мною дал весьма глубокую оценку политических аспектов мирового значения «Тихого Дона» и его автора: «М. А. Шохов — не просто всемирно известный писатель. Это писатель — летописец советской революции. Писатель, который шагнул дальше других и сказал больше, чем многие художники в разоблачении первой мировой войны. И главное, он художественно ярко и правдиво показал всему миру советскую революцию, рождение нового мира, победу диктатуры пролетариата в России. В этом — суть вопроса, почему реакция его боится...».

Да, действительно, с выходом «Тихого Дона» за рубежи нашей Родины правящие круги и идеологии многих капиталистических стран сразу же провели ожесточенную борьбу против романа и его автора. Особую ярость против «Тихого Дона» да и многих других советских романов проявили тогда правители Румынии, Югославии, Польши, Болгарии, Венгрии, Италии.

По сведениям, полученным мною из Центрального госархива Молдавской ССР, еще в 1929 году МИД и дирекция Румынского правительства ввели в действие тайный «Приказ № 103» (имеющий силу закона), согласно которому «запрещалось ввозить и распространять в стране любые издания (газеты, журналы и книги) из СССР».

В августе 1931 года в управление полиции города Сороки поступил секретный «Бюллетень № 14» от 3 июля 1931 года, в котором правительство Румынии потребовало: «принять энергичные меры, чтобы впредь повсюду конфисковались и не достигали адресатов книги А. Толстого, М. Шохова, Вс. Иванова, Ф. Гладкова, А. Серафимовича, Б. Лавренева, И. Эренбурга и Н. Богданова». Цензура была столь строгой, что первый румынский переводчик «Тихого Дона», молодой поэт Юлиан Веспер, переводя «Тихий Дон» в 1930 году, с огромными трудностями смог опубликовать из него лишь одну главу 19 апреля 1934 года в газете «Гласул Буковина».